

Онищенко А.С., Баранская Л.Т.
ФЕНОМЕН «БЕЗУМИЯ» В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Кафедра психиатрии, психотерапии и наркологии.
Уральский государственный медицинский университет
Екатеринбург, Российская Федерация

Onishchenko A.S., Baranskaya L.T.
PHENOMENON OF «A MADNESS» IN THE NOVELS BY DOSTOYEVSKY
F.M.

Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology
Ural State Medical University
Yekaterinburg, Russian Federation

E-mail: anastasiavorontzova@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрен феномен «безумия», представленный Ф.М. Достоевским в необъяснимых с точки зрения здравого смысла, психопатологических поступках и патологии поведения героев его произведений.

Annotation. The article examines the phenomenon of "a madness" presented by F.M. Dostoyevsky in unexplained from the point of view of common sense, psychopathological actions and pathology of the behavior of the heroes of his works.

Ключевые слова: феномен «безумия», психопатология, патология поведения, романы Достоевского.

Key words: phenomenon of "a madness," psychopathology, behavioral pathology, Dostoevsky's novels.

Введение

Выдающийся отечественный филолог и философ М.Н. Эпштейн заметил, что «безумие – это язык, на котором культура говорит не менее выразительно, чем на языке разума. Безумие – это не отсутствие разума, а его потеря, т.е. третье, послеразумное состояние личности. В природе есть беззвучие, тишина, но молчание свойственно лишь говорящим. В природе есть неразумность, немислие, но безумие свойственно лишь мыслящим и разумным. Безумие примерно так относится к уму, как молчание – к речи» [6].

Остается только осознать, о чем говорит нам мир языком безумия, но это и является самым сложным: настолько разнообразные формы принимает этот язык. Под эту категорию попадают самые разнородные явления: от психических отклонений, т.е. безумия сугубо клинического, до так называемых «странностей» в поведении, состоянии, мировосприятии. Последние выделяются

из ряда «обыкновенных» на основании несоответствия принятым в конкретном окружении на конкретный момент за норму.

Цель исследования – выявить сущность феномена «безумия» в романах Ф.М. Достоевского в ракурсах нормы-патологии психического здоровья.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели проведен психосемантический анализ текстов романов Ф.М. Достоевского: «Идиот», «Преступление и Наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Результаты исследования и их обсуждение

Основная трудность в анализе феномена «безумия» в романах Достоевского состоит в его многослойности, что требует использование нескольких, подчас неоднородных критериев. Категория сумасшествия фигурирует в произведениях писателя и в клиническом, и в бытовом понимании (коммуникативно-конфликтном): высокие культурные коннотации безумия (донкихотского или гамлетовского типа) и низкие, отрицательные («Рече безумец в сердце своем: несть Бог» в «Братьях Карамазовых»).

Разные формы безумия (а эта разница у Достоевского может принимать форму контраста, взаимоисключающих вариантов) могут выполнять несовпадающие художественные функции.

Достоевский описал большее количество душевнобольных, чем какой-либо другой художник в мире. Из более ста персонажей, по мнению исследователя, сколько-нибудь очерченных у Достоевского, более четверти – душевнобольные. При этом Достоевский представляет болезненные явления не как мозговое нарушение, а как следствие психической организации героя, истории его духа. Ф.М. Достоевский один из первых в мировой литературе использовал слово с семантикой безумия в качестве заглавия романа («Идиот»). Персонажей Достоевского называли «сгустками душевных порывов», а романы в целом – «галереей умалишенных». Из-за поразительной точности описаний психиатры и криминалисты читали в свое время по его произведениям лекции, а исследованию психопатологии его творчества отдельное внимание уделяли такие корифеи психиатрии, как Крейчмер и Ломброзо. З. Фрейд признавал, что без романов Достоевского не родился бы психоанализ, но сам писатель и мысли не допускал отнести себя к психиатрам. М.М. Бахтин говорит об этой особенности творчества Ф.М. Достоевского как о «морально-психологическом экспериментировании», призванном разрушить путем провокаций былую целостность и завершенность человека для возможности появления другого человека и другой судьбы [1].

Однако представляется, что значение феномена «безумия» в мире писателя гораздо шире общепринятого и имеет основание в особом видении Достоевским сути этого явления. Неоспоримо, что каждый из случаев проявления безумия выполняет определенную функцию в возникновении дополнительных художественных смыслов в тексте, в формировании специфического читательского опыта в рамках художественного события.

Наиболее ярко процесс проникновения психиатрии в художественную ткань произведений отразился в классических произведениях Достоевского. Творчество Достоевского не раз подвергалось психопатологическому исследованию, и количество работ в этой области продолжает увеличиваться.

Еще современники Ф.М. Достоевского указывали на гениальность изображения писателем явлений психических расстройств личности. Это, например, психиатрический анализ образа Николая Ставрогина в романе «Бесы» [2] и образа Родиона Раскольников в романе «Преступление и Наказание» [5]. По мнению В.М. Бахтина, «помешательство как болезненное состояние душевной деятельности уже издавна служило предметом художественного воспроизведения в литературе» [1].

Номинативное безумие включает в себя две разновидности: событие называния (характеристики, данные персонажами друг другу или какому-либо явлению) и так называемую констатацию состояния (номинации и описания, данные автором). Уже эта категория показывает тотальное утверждение безумия самими героями относительно друг друга и общего состояния мира, намечающуюся тенденцию к слиянию таких сущностей, как безумие и норма жизни. Анализируя и наблюдая друг друга, герои романов Достоевского пользуются лексикой, обозначающей болезненные психические состояния: нервные припадки, бред, белая горячка, бешенство, безумие, иступление, бытие вне себя, экзальтация, сумасшествие, падучая болезнь, истерика, используя их как в клиническом, так и в бытовом толковании.

Приведем несколько примеров из «Братьев Карамазовых»: каждый замечал, что «Алексей непременно из таких юношей вроде как бы юродивых», тетку Катерины Ивановны Митя характеризует как «истерическую женщину», Снегирев в момент посещения его Алешей «был как бы в иступлении», а г-жа Хохлакова на протяжении действия романа постоянно «сходит с ума», признается, что «два раза в жизни с ума сходила, и ее лечили» [2].

Душевные расстройства обращают слова и ощущения (особенно беспокойство и страх) в телесные проявления, то есть, симптомы. Скандалы, чрезвычайные происшествия (поджоги, убийства, самоубийства, самообнажение и самообличение героев), взвинченные, иррациональные диалоги о Боге, народе, России, страхе смерти, рассуждения о самоубийстве – все это симптомы нездорового состояния внутреннего мира героев Достоевского.

В общем контексте событийной эксцентрики одной из устойчивых поведенческих форм в романах Достоевского становится явление шутовства и юродства. Мы наблюдаем, что юродивыми в «Пятикнижии» в разных контекстах именуется семнадцать персонажей: Соня, Лизавета, Раскольников, Сикстинская Мадонна («Преступление и наказание»), Мышкин, семидесятилетний старичок-учитель («Идиот»), учитель Петр Степанович («Подросток»), Марья Лебядкина, Семен Яковлевич («Бесы»), Алеша, Зосима, Лизавета Смердящая, отец Феррапонт, отец Варсонофий, Федор Павлович Карамазов, Иван Карамазов, Снегирев («Братья Карамазовы»).

В общем контексте безумия, пронизывающего художественный мир Достоевского, в новом свете предстает комплекс явлений, которые принято считать этическими отклонениями и относить к области морали и нравственности.

Безразличие и враждебность Федора Павловича к своим детям осуждаются, но не дают повода называть его безумным, так же как не говорится о ненормальности турок, убивающих младенцев, о родителях, истязавших детей, о генерале, затравившем ребенка собаками, о всем том мире, который становится основанием деятельности Петра Верховенского: «Учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, не безумен, также, как и адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть не мог не убить».

Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, психически здоровы, равно и присяжные, оправдывающие преступников, и прокурор, трепещущий в суде, что недостаточно либерален. Не вызывает ощущения безумия то, как ребенок лет шести, вел домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами. И все это, по сути, – нарушение основного закона природы, что ставит под угрозу существование человечества в целом. Подобное поведение можно считать безумным, но относительно перечня признаков, по которым социум разделяет понятие безумного и нормального, оно уже давно перетекло в норму мира, пусть и «жестокого». Наступил момент, «когда весь мир уже на другую дорогу вышел и когда сущую ложь за правду считаем, да и от других такой же лжи требуем» [1].

И сложно в таких условиях сохранить образ истины и веры без риска прослыть сумасшедшим. Нельзя оставить без внимания и слова Николая Ставрогина, ставшие путеводной звездой жизни капитана Лебядкина: «Нужно быть действительно великим человеком, чтобы суметь устоять против здравого смысла». В келье Тихона Ставрогин признается, «что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и «разумное», в «разных лицах и разных характерах, но оно одно и то же, а я всегда злюсь...». Это даже не призрак Матрешки, появление которого можно было бы объяснить синдромом вины, это нечто, превосходящее по силе самого Ставрогина [2]. Герой оказывается перед проблемой, с которой столкнется позже Иван Карамазов: необходимо признать существование дьявола, что невозможно в контексте его безверия. «Вы, наверное, думаете, что я все еще сомневаюсь и не уверен, что это я, а не в самом деле бес?» – спрашивает он у Тихона. И далее продолжает: «Вам стало стыдно за меня, что я в беса верую, а под видом того, что не верую, хитро задаю вам вопрос: есть он или нет в самом деле?». Ставрогин ждет реакции Тихона и желает услышать от него, что это и в самом деле бес, который живет внутри Ставрогина, подталкивая к преступлениям. Возможно, смутно Ставрогин осознает и даже готов признать, что все-таки существует что-то помимо него, но оно настолько слилось с ним самим, что невозможно истребить одного, оставив

невредимым другого. И поэтому, несмотря на утверждение: «Я никогда не могу потерять рассудок... Никогда, никогда я не могу застрелиться! Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли, как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие. Негодования и стыда во мне быть не может; стало быть, и отчаяния», Ставрогин убивает себя. Не из чувства вины, а из желания свободы, из потребности освободиться от некоего существа внутри себя, с которым ему приходится делить свою жизнь.

Выводы

Анализ текстов романов Ф.М. Достоевского не дает окончательного ответа на вопрос – в чем сущность «феномена безумия»? Однако позволяет предположить, что, говоря словами автора, безумие наступает там, где человек перестает осознавать язык общения с миром и не способен признаться самому себе в отсутствии свободы осмысления своих деяний.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Семиотика «Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского». – М.: Вече, 2002. – 589 с.
2. Достоевский Ф.М. Бесы / Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. – Т.7. – Л.: Наука. – 1990.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. – Т.2. – Л.: Наука. – 1990.
4. Достоевский Ф.М. Идиот / Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. – Т.3. – Л.: Наука. – 1990.
5. Достоевский Ф.М. Подросток / Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. – Т.4. – Л.: Наука. – 1990.
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. – Т.5. – Л.: Наука. – 1990.
7. Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. М.: Азбука-Аттикус. – 2019. – 800 с.

УДК 616.89

Пономарев И.А., Баранская Л.Т.
**НАРЦИССИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО ЛИЧНОСТИ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ В МКБ-11**

Кафедра психиатрии, психотерапии и наркологии
Уральский государственный медицинский университет
Екатеринбург, Российская Федерация

Ponomarev I.A., Baranskaya L.T.
**NARCISSISTIC PERSONALITY DISORDER: PHENOMENOLOGY AND
DIAGNOSTIC CRITERIA IN ICD-11**

Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology
Ural state medical university